

№ 1 (январь), 2015г.

Симфония души музыковеда Анатолия Кельберга

Людмила Енисеева-Варшавская

Его называли живой легендой музыкального мира Алма-Аты. Он был ведущим искусствоведом республики, лауреатом престижной казахстанской премии «Тарлан» 2003 года. Его имя – символ профессионализма, умения увлечь, заморозить аудиторию. Анатолий КЕЛЬБЕРГ (1929–2009) – человек, который на протяжении более 50 лет открывал казахстанцам чарующий мир музыки. Он родился 4 января 1929 года в Ленинграде. В 1951 году окончил теоретико-композиторский факультет Алма-Атинской консерватории по классу П. В. Аравина. В 1951–1960 годы – преподаватель этой консерватории по кафедре истории музыки. С 1960 года – лектор Казахской филармонии. Автор множества статей о творчестве казахских композиторов и музыкальной жизни Казахстана, а также таких книг, как – «Е. Г. Брусиловский», Москва, 1959, «Как научиться слушать и понимать музыку», Алма-Ата, 1959, «В мире чарующих звуков (о симфоническом творчестве композиторов Казахстана)», Алма-Ата, 1963.

Вашему вниманию предлагаются беседы, проведенные с ним в разные годы.

Жизнь не столь уж мрачна, как порой это кажется, потому что нет-нет, да случаются в ней везения. И не просто какие-то, а везения великие. Вот так осчастливила судьба нас, казахстанцев, выступлениями замечательного знатока музыкальной культуры,

заслуженного работника культуры республики Анатолия КЕЛЬБЕРГА. Во всяком случае, наше поколение студентов-шестидесятников прошло у него целую школу истории музыкального искусства. Если не сказать – академию. Мы не пропускали ни одного его выступления, срываясь с лекций и коллоквиумов, чтобы послушать очередной увлекательнейший рассказ о Моцарте или Бетховене, Григе или Чайковском. И вот еще одно везение – любимый мэтр согласился дать интервью.

– Анатолий Витальевич, передо мною нечто вроде вашего послужного списка – просветительская работа, музыкально-критическая деятельность, педагогика, спорт, коллекционирование... В общем, десять пунктов. Как вы успеваете объять необъятное?

– С помощью моей коллекции грампластинок, которую я собираю без малого пятьдесят лет. С тех пор, как руководитель Алма-Атинского хореографического училища Александр Владимирович Селезнев пригласил меня вести в нем курс истории музыки. Я приносил на уроки патефончик с набором пластинок и читал курс музыкальной литературы. Тогда был еще студентом консерватории, и, осваивая эту практику, понял, что систематизация материалов – очень важный момент в моей деятельности. Я начал делать нужные мне выписки, а потом вырезки из газетных публикаций о музыке. Что-то раскладывалось в папки по жанрам, именам, странам, что-то выписывал на карточки. Говорят же китайцы, что самая великолепная память слабее, чем самые слабые чернила. И поэтому я стараюсь фиксировать все, что мне может понадобиться. Таким образом, у меня сложился по любой теме подручный материал. Это первое. Второе – поскольку я всю жизнь занимаюсь альпинизмом, то горы выработали у меня привычку вставать рано. Командир отряда, я поднимал людей иногда в два часа ночи, чтобы в три отправиться на восхождение. Снег тогда подмерзает, и можно избежать камнепада. Привычка выработала у меня возможность мало спать, вставать рано, успевать делать зарядку или пробежку, или тренировку, распределять железно месяц, день, часы, чтобы было все на своем месте. В этом отношении, конечно, есть у меня ежедневник, и расписан он на каждый день по часам – что, где, когда.

– Но, по-моему, так никто не живет сейчас!

– А я вот так привык, потому что иначе ничего не успеешь. Только так!

– И вы никогда никогда не опаздываете?

– Нет. Это – нет! Жил когда-то здесь физик Маркович, с которым в 1960-м году мы были вместе на XVII Олимпийских играх в Риме. Он говорил: «Чтобы не опоздать, лучше прийти на пять минут раньше!». Студенты проверяли свои часы, когда я входил в класс консерватории. А потом, я уважаю людей и берегу их время. И никогда не нарушаю свое слово. На людей, которые обещают что-то и не выполняют, у меня аллергия. В горах я избалован искренностью отношений и позволяю себе роскошь не иметь дело с людьми фальшивыми, так как превыше всего ценю искренность отношений, точность, надежность. Быть таким, каким ты есть. В человеке ценю человека, и в этом смысле моя профессия, которую можно назвать культуртрегер, дает возможность увеличить количество положительных эмоций. Я рад этому, потому что сейчас – так говорят ученые – выброс агрессии в космос становится критическим для Земли. Космос за нами следит.

– Вы верите в это?

– Я верю ученым. Современная наука и Лазарев, в частности, своими работами о диагностике и коррекции кармы убедили меня в том, что если человечество в ближайшее время не установит на Земле приоритет духовных ценностей, оно будет наказано. Будут включены мощные механизмы принудительного характера, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Верить во Всемирный разум необходимо, потому что сейчас уже доказано, что мы не одни во Вселенной. Кроме солнечной системы есть, как минимум, еще 32 мира. Учитывая это, мы должны стремиться обрести то, о чем говорили святые и пророки – любовь, добро, взаимопонимание, готовность поддержать друг друга. В своей скромной профессии я стараюсь делать это. И очень жалею, что интервью наше будет напечатано без приложения хотя бы пятиминутной пластиночки с такой музыкой, которая не нуждается ни в аргументах, ни в фактах, а лишь в тишине и в слушающих внимательных ушах.

– Что бы на это музыкальное приложение вы записали?

– О-о, бесконечное множество произведений – Рахманинов, Моцарт, Бетховен, Чайковский... Я люблю их всех и каждого в отдельности, когда читаю лекции.

– Но ведь в вас бесконечные запасы любви!

– Если я не влюблен в моих героев, будь то казахский композитор в радиоинтервью или же Хачатурян с Растроповичем на встрече в «Музыкальной гостиной», говорить о них со сцены я не имею права. По этому поводу мне вспоминается скрипач Буся Гольдштейн, который перед каждым концертом что-то нашептывал себе под нос. Решили поставить магнитофончик. Оказалось, что он настраивает себя: «Буся – лучший скрипач мира, Буся – лучший скрипач мира!». Так вот те, о ком я говорю, всегда в зале лучшие. И о них надо сказать самое лучшее. Тем более, мне приятно, что у нас, скажем, в республике есть много людей, достойных того, чтобы к ним было привлечено внимание, не говоря уже о казахской народной музыке. Здесь я уже хочу обратиться к такой болезненной теме в наши дни. В 1979 году в Алма-Ате проходила Трибуна музыки стран Азии. Все азиатские страны привезли либо свои коллективы, либо записи своей музыки – народной, традиционной и современной. Золотую медаль завоевал кюй Курмангазы «Сары-арка». И вот вечером, когда решение жюри было уже принято, я проводил с председателем жюри Нараяной Менон (это по линии ЮНЕСКО проходила акция) беседу по телевидению. Помню, я спросил: «Госпожа Менон, вы видели, какой крупнейший успех был в зале театра имени Абая, когда исполнялся кюй Курмангазы «Сары-арка»? Скажите, пожалуйста, если бы простые индусы сидели в это время там, как бы они реагировали на казахский кюй?». И она ответила: «Вы знаете, на здании Индийского радио написано изречение: «Пусть все ветры мира входят в твой дом, но пусть ни один из них не главенствует в нем, кроме ветра твоей Родины!». Это, по существу, перефразировка мысли Рабиндраната Тагора, который сказал, что если ты впустишь чужие ветры в свою хижину, они разрушат стены твоего дома. Что сейчас и происходит. С болью к моему родному телевидению констатирую – программы его каналов разрушают души молодых музыкой, которая не заслуживает этого имени. Это касается и радиостанций. Многие не знают родной музыки, а потому не любят ее, равно как и музыку других народов. Как-то я делал восхождение с немецкими альпинистами на вершину Фалькенштейн в саксонской Швейцарии. И вот мы поднялись, и руководитель говорит: «Ну, а теперь давайте споем песни вашей и нашей стран». Они запели «Катюшу», а мы опозорились, растерялись, потому что не знали ни одной немецкой песни. А ведь чем больше человек знает о других народах, тем он богаче. Узкие же рамки оборачиваются национализмом, презрением к иным культурам. А это вредно для будущего планеты.

– **То есть, ваша деятельность исходит из любви, в основу которой положен крепкий философский фундамент, и это понимание культуры передается слушателям?**

– Хочу на это надеяться. Во всяком случае, я стараюсь поделиться с ними тем восторгом и той красотой, которые уже успел взять, потому что в свое время стремился попасть в самые крупные музеи. Был в Ватикане несколько раз, посмотрел своими глазами Лувр, Дрезденскую галерею, не говоря уж об Эрмитаже, музее имени Пушкина, Третьяковке, других хранилищах сокровищ. И потом, обратите внимание, любую свою передачу я сопровождаю музыкальными иллюстрациями из собственной коллекции, потому что она включает в себя лучшее, что создано человечеством от древних греков до наших дней. Многие из имеющихся у меня записей сегодня уникальны, потому что их нет даже в таких богатых хранилищах, как фонотека нашего Казахского радио. Зная, насколько сейчас мало у нас времени для получения той или иной информации, я стараюсь, обладая коллекцией пластинок, включающих в себя музыку всех веков, донести до них самые лучшие ее образцы. И когда, встречая меня или звоня мне, люди говорят «Спасибо!», это для меня самое дорогое. Я чувствую, что не зря работал.

– **Вы, как я понимаю, черпаете для себя силы в общении со зрителями, в книгах, поездках, встречах, отзывах на ваши передачи.**

– И в семье. Мне очень повезло с женой. За 44 года нашей с нею жизни я ни разу не пожалел о своем выборе. Повезло и с тещей. Ушедшая уже, к сожалению, из жизни, Анна Ивановна, взяв на себя заботу о детях и внуках, обеспечила нам с женой возможность работать. Жена у меня тоже музыкант, педагог школы имени Куляш Байсеитовой, концертмейстер, недавно на пенсии. Наши дети, как и ее воспитанники, несут в себе следы ее доброты. У нас шестеро внуков и две малышки-внучки.

– **Вы много бываете с ними?**

– С маленькой четыре раза в неделю, с утра до вечера.

– **Что вы делаете с ней?**

– Я ей читаю, музыку завожу, записываю ее слова, буквы изучаем, азбуку разными способами. Читаю ей также одну французскую книжку.

– **Ее как зовут?**

– Очень просто – Анна. Анита. Я с ней гуляю, стараюсь в ней воспитать мужественные черты, решительность, хотя жена возражает – зачем это девочке? Ну как зачем? Чтобы она не боялась жить в этом мире. Словом, я стараюсь ее все время развивать, и в этом смысле у нас впереди еще много лет. А вообще каждый день дает какое-то новое впечатление. Много памятных моментов и интересных встреч связано у меня с работой на телевидении, с лекционной и преподавательской деятельностью, с горами. Прогулки в горы у меня продолжаются, и даже в прошлом году 7 мая я вывел группу ветеранов на восхождение в связи с 50-летием Победы. Надеюсь, что и нынче я смогу подняться на вершины. Общение с горами – источник энергии, встречи с альпинистами-ровесниками, а также с теми, кто разделяет твои мысли, твой жизненный кругозор, твое жизненное кредо, тоже прибавляет силы. Ну, а если признаться, то у меня никогда не было проблемы, как убить время. Всегда только – как успеть? В четыре утра я думаю, что в шесть пора вставать, идти на тренировку.

– **Вы так мало спите?**

– Мне хватает на сон трех с половиной-четырёх часов. Были моменты, когда я вел, например, ту или иную группу на Эльбрус, так там выход был на восхождение в двенадцать ночи. И вставали мы в одиннадцать. В горах часто бывает такое. Так что я привык рано вставать – утром можно сделать больше. Поздно ложиться я не люблю и после двенадцати, как правило, не работаю. Так уж сложилось – чтобы все успеть!. Это привычка, это тренировка, не все, конечно, такое выдерживают. В горах молодые, когда поднимаешь их рано, буквально стонут. Но ничего, потом привыкают.

– **А как вы стали альпинистом?**

– Будучи студентами консерватории, мы с известнейшим теперь дирижером Фуатом Мансуровым получили путевки в школу инструкторов горной подготовки. Не зная даже приблизительно, что это такое, мы все же поехали. Спортом мы до этого, конечно, занимались – я, например, хорошо шел по легкой атлетике, участвовал в соревнованиях, но в горах никогда не был. И, тем не менее, знакомство с альпинизмом переросло в неувядающую любовь. С тех пор все эти годы я работаю инструктором в горах, вожу экспедиции иногда в новые районы. Скоро тому пятьдесят лет будет. Работал во многих лагерях на Кавказе, встречался с большими величинами – Тенсингом, сэром Джоном Хантом, участниками первой экспедиции на Эверест. В 1956-м году в

моем отряде был легендарный альпинист Советского Союза – сван Миша Сергиани, и я увидел, что он создан для скал и снегов. Мы были с ним на спасательных работах, где он явил такое человеколюбие, такую доброту, что дай Бог каждому. Если где-то что-то с кем-то случалось, он не знал усталости: «Там же люди, люди!». У него было такое сердце. Экзюпери был прав, утверждая, что самая большая роскошь — это роскошь человеческого общения. И я стараюсь ее не упускать.

– **Как это все сочеталось с основной работой?**

– Если есть желание, все можно успеть. Альпинизму я посвящаю каникулы.

– **Вы – мастер спорта, инструктор-методист высшей категории. Вот уже полвека каждый альпинистский сезон проводите в горах. А какое из восхождений запомнилось в особенности?**

– Мне очень трудно назвать что-нибудь одно, потому что необыкновенных восхождений у меня было много. С одной стороны, это маршруты по Казахстану – на вершины, не взятые никем. Мне приходилось часто идти туда, где не было человеческой ноги, давать названия этим вершинам. Например, пик Рудольфа Маречека – нашего старого большевика, чеха – был назван мною так еще в 1970-м году в районе горы Джангалык. В Алма-Ате известный пик Комсомола имеет много маршрутов. Самый сложный из них в 1954-м мы вместе с Фуатом Мансуровым, Владимиром Колодиным и Кузьмой Александровым прошли первыми. Много интересного было на Эльбрусе, куда я водил людей восемь раз по разным маршрутам. И каждый раз Эльбрус показывал себя по-разному, потому что никогда нельзя сказать, как он себя поведет. Ведь состояние людей бывает разное, и туманы, если они есть, тоже очень опасны. На Эльбрус приходилось выходить в двенадцать часов ночи, один раз выходили в десять часов вечера при сплошной луне – это оказалось тактически правильным. Или вот – 1955-й год. Подошел ко мне командир отряда разрядников и говорит: «Анатолий Витальевич, я предлагаю вам необычную группу профессоров и академиков из Москвы. У них есть уже третий спортивный разряд, но они хотели бы знать, почему настоящий альпинизм начинается с этой самой «тройки»? Вершины – они ведь делятся на категории трудности: один «а», один «б», два «а», два «б», а потом по шестибальной – три «а», три «б» и так далее. И вот если эти ученые мужи получают «тройку», они будут вполне довольны». В этой группе самым интересным человеком был хорошо всем известный академик Мигдалов, который часто в передаче «Очевидное – невероятное» отвечал на наиболее сложные вопросы и вступал в диалог с Сергеем Петровичем Капицей. Изумительный был человек, очень веселый. Потом мы общались многие годы, и сейчас, в общем-то, продолжаем дружбу. Да и все эти профессора химии, физики и теоретики были очень интересными и все предельно простыми. Хотя у них, в общем-то, был несколько излишний вес, они тем не менее добросовестно тащили рюкзаки, выполняли свои обязанности на биваках и, несмотря на то, что идти было тяжело, начинались такие разговоры, такие беседы, что все трудное забывалось. Ну, и я помню один забавный случай, который вряд ли вы поместите в нашем интервью, но я о нем тем не менее расскажу. Как-то я решил сделать этим академикам сюрприз. Захватил с собой бутылочку «Хванчары» – думаю, будет трудный путь, и там, на биваке, она, эта бутылочка, будет как нельзя кстати. И вот после пятичасового перехода мы приходим на бивак, я открываю рюкзак, беру за горлышко бутылку и выясняю, что по дороге она разбилась, и все содержимое ее осталось в лежащих здесь же моих тренировочных лыжных штанах. И что вы думаете? Эти академики, узнав, что здесь была «Хванчкара», по-научному взяли кастрюлю, выжали в нее все, что впитали мои лыжные штаны. Это оказалось граммов двести, которые они очень строго разделили, выпили и сказали, что более вкусного напитка в своей жизни они не пивали. Это я хочу сказать к тому, что на высоте многое воспринимается иначе. Простой кусок хлеба, простая луковица, простая маринованная виноградинка, соленый огурец или кислое яблоко там имеют потрясающий вкус. Да и люди смотрят друг на друга какими-то особыми, сияющими глазами. И все воспринимается в другом – очень очищенном, лучезарном свете.

– **О, да у вас, человека музыкального и впечатлительного, все положительные чувства и эмоции, обретая гармонию, складываются, как видимо, в мелодию!**

– Так это или нет, мне трудно сказать, поскольку это относится к жизни души. Но мне очень хотелось бы, чтоб в каждом человеке звучала такая же теплая, проникновенная мелодия и отношения между людьми были бы гармоничными. К сожалению, сегодня это самая большая проблема, и моя молитва в том, чтобы у людей доставало разума жить в мире друг с другом и чаще обращать взгляд на небеса. Когда однажды крупнейшего астрофизика современности – академика Амбарцумяна спросили: «И чего вы там все интересуетесь физикой каких-то звезд, какими-то другими мирами, когда на Земле столько разных проблем?», он ответил, что человек

тем и отличается от всяких низменных существ, что иногда поднимает голову наверх и смотрит на звезды. И вот если люди будут чаще смотреть на Вселенную, на космос, представлять его обитаемым и даже более умным, чем наш мир, если будут знакомиться с современными книгами о новейших открытиях, то, мне кажется, станет меньше вражды, агрессии и кровопролития. Вот это самое важное. Люди будут доброжелательнее друг к другу, придут к тому, что все, что создано Всевышним и природой, нам необходимо – и земля, и люди и животные, и растения. Что все это надо беречь и видеть в том искру божественного.

– **О ваших восхождениях в разных горных районах, вы, наверное, можете говорить бесконечно. А как вы относитесь к Заилийскому Алатау?**

– Вы знаете, я проехал всю Швейцарию, выполняя функции переводчика – там его не было в группе, и, посмотрев швейцарские Альпы, потом итальянские, австрийские горы, могу сказать, что наши горы лучше. Они прекрасные! Я признаюсь им в любви

– **Вы говорите, что есть круг людей, с которыми у вас полный общий настрой, полное понимание.**

– Да, я считаю, что тот, кого ты знаешь 30-35 лет, и с кем никогда тебе не скучно, – интересный человек. Если он никогда не солгал тебе, он идеальный человек. У меня есть такой из мира культуры, но я не назову его, потому что он необыкновенно мне дорог. Есть и второй из мира спорта. Он мой инструктор, в горах всегда был моей правой рукой. Он другого плана человек, но я могу идти, не оборачиваясь, по скале, зная, что страховка надежная. Так вот, когда ты можешь доверять кому-то во всем, это и есть показатель высших человеческих качеств.

Что же касается интересных людей, то у меня их очень и очень много. Я знаю их либо по горам, либо по работе на телевидении. Либо это встречи во время гастролей, потому что благодаря нашему Союзу композиторов и Бюро пропаганды киноискусства я объехал все области Казахстана. Я старался выезжать в такие места, где еще никто не был из пропагандистов, где даже не знали, что есть те или иные инструменты. Однажды я попал в целинный совхоз, взял из Целинограда баяниста и когда закончил беседу, спрашиваю: «Есть ли вопросы?». А женщина говорит: «Милый, да мы вот эту штуку-то, как ты говоришь, баян первый раз живым видим». Вот такие есть еще люди. И удалось мне проехать по дороге от станции Макат до бывшего Шевченко (Актау), когда не было еще железной дороги – на дрезине, на самосвалах. Там я читал лекции. Читал я даже лекции в тюрьме. Представляете, тысяча человек, и все они, в общем, обречены на смерть. Такая колония была – они в урановых шахтах работали. Выступления перед ними было особенно тягостным. Лекция о музыке Дунаевского и комедиях, а передо мной лица, на которых печать смерти и зря прожитой жизни. Много читал я и в других тюрьмах. Особенно просили, конечно, рассказать о Высоцком.

Встреч было немало. Многие из них запомнились на всю жизнь, как запомнились ответы на такой сакраментальный вопрос «Что такое счастье?». Сейчас все больше людей, которые считают, что счастье – это быть на вершине власти, иметь материальную обеспеченность, дачу, новейшей марки машину, и не думают о том, что счастье – это возможность делать счастливыми других. А вот в горах, когда у нас зашел разговор на эту тему, один простой парень сказал так: «Счастье – это когда я снимаю ботинки после похода, снимаю носки и наконец-то даю отдых своим ногам». Что ж, искренность и ощущение себя в естестве – тоже счастье. Вот такие повороты, такие искренние вещи там, в горах встречаются очень часто.

– **Вы прекрасно знаете Евгения Григорьевича Брусиловского и все, что касается его творчества.**

– Да, я написал о нем монографию, и в 1959 году ее издала Москва. Это была первая книга о нем как у нас в республике, так в Советском Союзе. И тогда же, там же я записал на двойной альбом свои лекции о его творчестве, что было крайне редко в те времена. И всегда, как только появлялась такая возможность, я старался говорить о музыке и деятельности этого талантливого, преданного своему композиторскому призванию человека. Говорить, потому что во время работы над книгой мы беседовали с ним, я слышал его оценки язвительные, остроумные. Они запечатлены в его дневнике. Надо сказать, что Брусиловский не был удобен для всех людей. Он был специалист высокого класса и позволял себе говорить то, что есть, даже если это были нелицеприятные вещи. Это, конечно, не всем нравилось, и ему попросту вредило. И по мере того, как рос его композиторский авторитет, росли и его ученики. Со временем некоторым из них он стал мешать. Говорят же, ничто не стареет так быстро, как чувство благодарности. Поэтому он вынужден был уехать в Москву и последние годы доживать там, хотя все, что он сделал хорошего,

связано с казахской землей, с казахской музыкой. Были преданные ему ученики, они остались. Он создал композиторскую школу – тридцать человек, все они профессора.

– **Сколько лекций вы прочли за свою жизнь?**

– Пятнадцать тысяч. А в 25-й – специализированной франкоязычной алма-атинской школе я вел беседы о французской шансон на французском языке, потому что дети понимали его. Но, в основном, я выступал на нем в роли переводчика во Франции и Швейцарии.

– **Французский язык подвиг вас на создание переводной книги?**

– Да, я случайно отыскал «Словарь пословиц, максим и крылатых выражений» Мориса Малу. Он показался мне столь интересным, что я решил перевести его на русский. Работал более двадцати пяти лет. А когда пришла пора издавать, не оказалось бумаги. Теперь книга ждет лучших времен. Мне понравилось, что в свое время в гостиницах Европы у изголовья лежит Библия. Этот словарь мне представляется собранием таких же вечных ценностей, к которым я добавил бы много казахских пословиц и пословиц народов Востока.

– **То есть в вас живет не только пропагандист, но и исследователь, собиратель?**

– Если я что-то систематизирую, то для того, чтобы было легче приводить в порядок мысли. Наукой я никогда не занимался и к ней не имею никакого отношения. Ну, разве что в науке изъясняется просто и увлекательно. Я считаю это искусством, но готовиться к нему нужно научными методами.

– **А коллекционирование?**

– Коллекционирую только грампластинки. Это было связано с настоящей необходимостью. Дело в том, что сначала я учился играть на ударных инструментах, выступал очень много в госпиталях, а в 1946-м, в годовщину Победы играл на ксилофоне в парке Панфиловцев увертюру к «Кармен», увертюру к «Вильгельму Теллю». Потом я перешел с ударного отделения консерватории на историко-теоретическое, и эту исполнительскую деятельность забросил. Правда, коль полагалось играть на рояле в пределах учебного курса, я это делал, но занятия спортом и альпинизмом не позволяли постоянно развивать пальцы. Говорить же слушателям свои собственные лекции о музыке, не демонстрируя тут же эту музыку в хорошем исполнении, невозможно. Поэтому я решил собирать пластинки и все свои беседы с залом иллюстрировал записями лучших исполнителей. Эта коллекция, которой, как я сказал, уже скоро пятьдесят лет, и служит она утилитарным целям – в помощь педагогической и просветительской работе.

– **Общаетесь ли вы профессионально с вашими коллегами по лекционной работе?**

– Общаюсь только с самыми лучшими лекторами Москвы. Это мои очень хорошие друзья, хотя они все старше меня. Но когда я бывал в Москве, то мне приходилось даже читать лекции по линии Московской филармонии, мне они доверяли. И, кстати, самым потрясающим моим впечатлением было выступление на сцене большого зала Московской консерватории перед тем, как наш симфонический оркестр исполнял симфоническую «Поэму экстаза» Скрябина и «Симфонию» Хренникова. Дирижировал Илья Островский. Ну, кроме Москвы разные были выступления. Мне очень нравилось выступать во дворцах Усть-Каменогорска, когда сидит тысяча человек и многие еще стоят, слушают о Высоцком, про которого еще нельзя было говорить. Тогда, как вы знаете, был негласный запрет на все с ним связанное. И вот все, кто в зале, слушают, а я говорю им о недавней встрече с ним, делюсь своим взглядом на неизвестного еще пока властителя наших умов, на умного, очень талантливый ливого поэта и человека. Излагаю так, чтоб люди понимали: это нечто, заслуживающее внимания! В Рудном мне вообще несказанно повезло – в институте там дали два вечера по четыре часа. Восемь часов было в моем распоряжении, так что я мог кое-что сказать. И показать, потому что у меня практически были все лучшие его записи, и эти впечатления, конечно, не забываются.

– **С Высоцким, у вас какого рода было общение?**

– Визуальное. В 65-м году я работал в альплагере «Баксан», это под Эльбрусом в этом же квадрате снимался фильм «Вертикаль», и там был Высоцкий. И наше руководство пригласило его попеть в столовую, в лагерь. И в тот момент, когда уже на середине был концерт, поступил сигнал бедствия с вершины «Вольная Испания», там погиб человек. Висел, надо было его снимать. И Высоцкий попросил, чтобы его взяли на спас-работы. Он пошел на эти спас-работы, был в палатке с моим другом – начальником спас-отряда. И он, начальник, мне рассказывал, как утром Высоцкий говорит: «Леня, послушай песню, которую я написал – это «Песня о друге». Это первый случай. Второй случай – в 68-м году были сборы спасателей уже на Западном Кавказе. Туда Высоцкий приехал в Домбай с одним художником просто покататься на лыжах. Вечером в

красном уголке все собрались для беседы, и он сидел, не выделяясь никак – тридцать лет ему было. Но когда глаза обращались к нему, он высказывал такие мысли умные, четкие, ясные, что потом я убедился – он был очень начитанный человек. Ну, а дальше они приезжали в 70-м с театром сюда, в Алма-Ату. Я посмотрел его в спектаклях, старался изучать его пленки. И все. Это не были беседы с ни, это было просто присутствие его. И поэтому афишные лекции я назвал «Высоцкий знакомый и незнакомый».

– **А проблемы какие-то были в связи с этими лекциями о Высоцком?**

– Естественно. Я читал их в разных городах, они собирали полные залы, и это коробило партийных работников. Ведь в 1980-1981 годах Высоцкий был представлен разве что «подпольными» магнитофонными записями. И в итоге лекции предложили прекратить, а меня начали, что называется, «зажимать». Забавно другое: прошло некоторое время, и все, что я рассказывал о Высоцком, появилось в журнале «Вопросы философии». Меня снова вызвали в ЦК и дали официальное распоряжение продолжать свои лекции о нем.

– **Во многих случаях вы были первооткрывателем знаний, а также новых имен музыкантов для слушателей. Так случилось, я знаю, и с Аллой Пугачевой.**

– Да, потом после Высоцкого я переключился на беседы о ней. Мне хотелось открыть ее как мастера исполнительского искусства, как очень серьезного музыканта с огромными перспективами. У нее очень хорошее музыкальное образование, она прилично играла на рояле и выпускную программу исполняла в малом зале Московской консерватории. Да и вообще это неординарная личность. Я специально встретился с ней, чтобы подготовиться к лекциям, и она даже дала мне запись своего выпускного выступления.

– **А ведь действительно мало кто это знает!**

– В том-то и дело, все к ней относятся как к эстрадной певице, а она очень серьезный человек. Она очень серьезный и глубокий, и у нее были интереснейшие пути развития. Это то, что помогало мне делать мостик опять-таки к серьезной музыке. И надо сказать, к Пугачевой не предъявляли таких претензий, как к Высоцкому.

– **У вас великолепная речь. Вы специально ею занимаетесь или это природное?**

– Я думаю, природных вещей таких не бывает. Природным может быть тембр голоса, а голос можно ставить. Но я был против того, чтобы делать это. Считаю, что главное – личная интонация, а стремление говорить правильно – это уважение к зрителям или радиослушателям. Радио и телевидение, а также педагогическая работа требовали четкой дикции и правильных ударений.

– **То есть, вы все время наработывали культуру слова?**

– Безусловно! Более того, каждый раз я должен был готовить что-то новое по содержанию, интересное и для оркестрантов, и для публики. Казалось бы – новая публика, можно повториться, но когда старый коллектив, с которым ты тридцать с лишним лет выходишь с лекцией к залу, нужно было, считал я всегда, находить новые факты. Музыкантам ведь тоже должно быть интересно. Нужен какой-то поворот, какой-то ключ, который бы запомнился. Хотя бы одна мысль, одна фраза. Я знаю, что вчера запомнилось, например то, что Бетховен, скажем, менял каждые два-три месяца квартиры. Он 38 квартир сменил за свою жизнь и 37 раз переезжал, потому что для него эта была компенсация невозможности путешествовать из-за глухоты. Представляете – 37 переездов, тогда как для нас два переезда подобны пожару!

– **Скажите, а каков круг вашего чтения? Отец мой, например, при всем своем классическом образовании любил детективы, фантастику. Тогда не было такого моря этой литературы, но игривость ума требовала своей пищи.**

Я не читаю фантастику, последнее время у меня в постоянном пользовании литература эзотерическая, работы ученых, касающиеся биоэнергетики, кармы, об индусах, по восточной философия, журнал «Наука и религия». Я очень люблю его и очень внимательно читаю, не считая, конечно газет, среди которых у меня «Аргументы и факты», как мед на дне, – самая вкусная. А потом идут «Комсомолка», «Известия». На остальное не хватает времени. Ну, разве что еще мемуарная литература. Библиотека у меня большая, хорошая, но даже «Всемирка» не вся прочитана с начала и до конца. И надо бы... Недавно я себя поймал на том, что вдруг стал перечитывать Пушкина, дошел до «Евгения Онегина» и на середине вдруг спохватился: не хватает времени! А на очереди Толстой. И опять отложил до лучших времен. А ведь Вольтер говорил, что люди не живут, а все надеются, что когда-то начнут жить.

– **Я помню, мы лет десять назад говорили с вами, и вы рассказывали о своих утренних прогулках. То есть, ваша ходьба по утрам – это сохранение формы?**

– Не только. Дело в том, что она у меня – по пятнадцать километров – идет через день. Сегодня, скажем, утром была насыщенная зарядка, а завтра будет поход в горы, послезавтра – опять зарядка, и так через день. Хожу я на Кок-тюбе и обратно или до моста и обратно. Когда светло, я совмещаю ходьбу с изучением интересных казахских мыслей, казахских слов, казахского языка. У меня всегда с собой бумажечки – казахские выражения, пословицы, чтобы не просто ходить по Терренкуру, не просто дышать, а совмещать с какой-то устной работой. Или обдумывать очередную лекцию или проблему. То есть, все время в процессе движения идет мысль. Зарядка у меня была всю жизнь, потому что я рано начал заниматься легкой атлетикой, бегом. Они развивают легкие, что помогло мне в альпинизме. В горах я тоже старался постоянно тренироваться и нагрузки выполнял достаточно высокие. И это уже привычка, без этого нельзя.

– **Зарядку тоже делаете разную, как по-разному говорите перед музыкантами?**

– Нет, я могу привести какое-то новое упражнение, но есть комплекс, который я повторяю. В отношении голодания считаю совершенно достаточно, скажем, раз в неделю делать 24 или 36 часов разгрузки от пищи – то, что делают ивановцы. Благодаря этому у меня никогда не было проблемы лишнего веса.

– **Такой образ жизни вытекает из семейной традиции?**

– Трудно сказать. Традиции – они ведь создаются. Скажем, я из своего детства больше всего запомнил бабушку, она была самым дорогим для меня человеком, потому что занималась внуками, поскольку мама и папа всегда работали. Мама у меня – пианистка, она была в консерватории, и. о. профессора, отец – физик, акустик, метеоролог и скрипач в том числе. Так получилось, что, прибыв в эвакуацию из Ленинграда в Алма-Ату, нам надо было как-то вписываться в здешнюю жизнь. Маме было трудно, и я тринадцатилетним мальчиком пошел в колхоз «Горный гигант», в 12-ю бригаду, и в течение пяти лет работал там на лошадях. Была такая профессия «кто куда пошлет» и «запрягай-выпрягай лошадь». Сторожили мы, мальчики, сады, возили зерно из Байсерке на трудовни сюда, в колхоз, а отсюда – помидоры и фрукты. В 1945 году я носил на своих плечах много денег, потому что председатель колхоза доверял мне это. Тогда, по моему, по десять рублей на трудовень выдавали, и вот я эти деньги доставлял. Рассчитывались также зерном и яблоками, и это, на мой взгляд, было много лучше, потому что к деньгам у меня всегда было абсолютное равнодушие. Это все было летом, а зимой мы жили в обсерватории, где я работал по подсчету полетов шаров-пилотов и радиозондов. На арифмометре или логарифмической линейке высчитывал.

Шло время. К моменту окончания средней школы в 1948-м году, я успел экстерном окончить музыкальное училище и два курса консерватории. А в 1949-м начал выступать в филармонии с лекциями перед концертами, одновременно преподавая историю музыки в Алма-Атинском хореографическом училище. Все постепенно налаживалось. Музыка, спорт, альпинистские восхождения, обретение семьи. Словом, все, что называется очень емким и таким дорогим для всех нас названием – жизнь.

– **Выбрав профессию музыкального лектора, а не преподавателя теории или истории музыки в стенах консерватории, вы очень расширили свою аудиторию.**

– Мне важно общение со слушателями, когда я простым, доступным языком рассказываю о музыке, а они, внимая, начинают понимать ее, читать, впитывать, если хотите. Всегда была необходимость популяризации музыки, и это как раз мне подходило. У меня была богатая фонотека и патефон, что позволяло проиллюстрировать практически любую лекцию. С разными циклами я объехал весь Казахстан. Интересно было работать на радио, когда появилось телевидение, меня пригласили вести музыкальные передачи. Существует много способов пропагандирования музыки, и я все их старался использовать.

– **Получается, что всю жизнь вы посвятили лекциям о музыке?**

– Параллельно шла работа, которая подпадает под стандартное понятие «обогащение внутреннего мира». Ведь чтобы говорить о чем-то, необходимо это прочувствовать, желательно увидеть собственными глазами, услышать. К примеру, чтобы читать хорошие лекции об искусстве Италии, желательно там побывать. Так я и поступил, побывав в самых музыкальных странах мира: Германии, Италии, Чехии. В Италии понял, что моего знания французского недостаточно (в Италии в ходу французский), и стал брать частные уроки, чтобы уже основательно подготовиться к встрече с такими странами, как Швейцария и Франция. На автобусных остановках учил слова, ночью читал в оригинале произведения французских авторов.

– **У вас большая семья – трое детей, шесть внуков. Существует ли традиция собираться по праздникам за общим столом?**

– Я женился на ученице моей мамы, и, как уже сказал вам, ни одного дня моей жизни за 50 с лишним лет брака не сожалел о выборе. А вот традиции такой нет, поскольку дочка живет и работает в Германии она прекрасная пианистка, старший сын работает настройщиком в Москве. Здесь остался только младший – он возглавляет рекламное агентство.

– **Кстати, о работе за границей. Ваш брат эмигрировал в Израиль, а теперь уже обосновался в Америке. Почему же вы так упорно держитесь за Алма-Ату?**

– Возможность уехать есть. Мне в свое время предлагали, например, работу в Московской филармонии или не так давно приглашали советником по культуре во Францию. Но я всегда отказывался. Мне тяжело отсутствовать дома даже две недели, потому что все лучшее, что есть в моей жизни, связано с Алма-Атой – горы, семья, музыка.

– **Что бы вы хотели сказать, подводя итог нашему разговору?**

– Сейчас доказано уже японцами, а затем американцами, что эстетически неразвитый человек экономически невыгоден государству. Поэтому в Японии в средней школе восемь часов в неделю в течение десяти лет слушают музыку, знакомятся с искусством. Точно так же доказано, что физически неразвитый человек, который не держит себя в спортивной форме, а соответственно, в приподнятом состоянии духа, тоже экономически невыгоден. И мне кажется, что сейчас в нашей стране стоит всем помнить об этих проблемах. С эстетикой у нас дела кое-как, но поправляются. А вот с физическим состоянием... Уж где-где, а в Алма-Ате возможностей поддерживать его в хорошей форме больше, чем в других городах. У нас ведь есть горы, есть возможность сесть на автобус, приехать в Медео и дальше уже своими ножками идти за воздухом, идти в Горельник, на Чимбулак, в Туюк-су. Получать практически бесплатно полноценный запас здоровья – чистейший воздух и такие красоты, за которые за границей брали бы колоссальные деньги. Но мы почему-то не всегда это ценим. Мол, раз бесплатно – можно обойтись и без этого. А ведь это самое дорогое! И тут человек должен определиться сам. Любая профессия будет страдать, если он физически будет неразвитым, если будет искать причины сегодня не делать зарядку, завтра пробежку, послезавтра не подтянуться на турнике. Такой человек будет всю жизнь жить завтрашним днем. А нужно жить днем сегодняшним. Все, что нужно сделать сегодня, не надо откладывать на завтра.

И еще. Про все времена говорили, что они трудные, и все хвалили старые времена. Но как бы то ни было, а жить надо сегодняшним днем. Жить им и радоваться. Уметь радоваться сегодня – это искусство. Сейчас говорят: Иисус Христос требовал то того, то другого. А ведь он, оказывается, заботился о том, чтобы мы все были счастливы, и поэтому говорил – кому многое дано, тому многое и дастся, а кому не дано, от того это отнимется. Люди должны уметь быть счастливы. Бог любит счастливых. Бог – это любовь, жизнь, радость. Бог – это счастье. И надо учиться находить хорошее как в людях, так и в этом большом, полном красоты и многообразия мире, который нас окружает.

1996 год

Пришел, увидел, победил!

Известно, что ведущий музыковед республики Анатолий Витальевич КЕЛЬБЕРГ, помимо музыкальных пристрастий, испытывал всю жизнь любовь к горам. И не просто как созерцатель. Он – мастер спорта по альпинизму и инструктор-методист первой категории с 55-летним стажем. В одно из ежегодных пребываний своих в горах ему посчастливилось соприкоснуться с замечательным бардом Владимиром ВЫСОЦКИМ.

– Именно посчастливилось и именно соприкоснуться, – говорит Анатолий Витальевич, – потому что знакомства, дружбы и личных встреч у меня с ним не было. Но кое-что вспомнить я могу. Например, в 1965 году в Приэльбрусье я работал в альпинистском лагере «Боксан» командиром отряда значкистов. И нам сказали, что неподалеку от нас находится творческая группа фильма «Вертикаль», где снимается Высоцкий. Мы тут же решили его пригласить. Он с удовольствием согласился и вечером пришел к нам.

Все шло легко и непринужденно, но после четвертой песни лагерь вдруг получил сигнал бедствия. Оказывается, на пике Вольная Испания камнем убило человека. Все пришли в боевую готовность, а Высоцкий, который никогда в горах, в общем-то, не был и восхождений не совершал, обратился к начальнику спасательной службы Леониду Елисееву: «Возьмите меня с собой, я хочу посмотреть, как все это происходит». «Пожалуйста, – отвечает ему Ленья, – но это сложная работа». «Да вы не беспокойтесь, – просит Высоцкий, – я только до ночевки и до ледника».

Взяли его до ледника. Ночью часа три-четыре шли при фонарях, потом остановились. Дальше уже рассказывал мне сам Ленья. «Расположились мы с ним в палатке, и вот он просит меня

рассказать какой-нибудь случай из альпинистской жизни. Снимается фильм, и ему хочется иметь конкретный факт. Ну, я рассказал, как на пике Щуровского во время подъема кто-то из четверки сломал ногу и дальше идти не смог. Тут же ночью двойка перешла по Ужбинскому ледопаду обратно за помощью, а один остался с пострадавшим. Ребята, как полагается, проделали свой сложный путь, помощь была оказана. Вот, казалось бы, и все. Рассказал это Леня Высоцкому и лег спать. А утром тот его будит: «Послушай, вот что я сочинил!». Леня послушал. И представьте себе, это была та самая знаменитая «Песня о друге», которая вошла потом в фильм «Вертикаль».

Второй раз встреча с Высоцким произошла три года спустя тоже в горах. Было это зимой, но уже на западном Кавказе. Там, на Домбайской поляне проходили сборы альпинистов-спасателей. И туда же со своим другом-художником приехал покататься на лыжах Высоцкий. Вечерами все собирались в Красном уголке, и начинались всевозможные байки. Вот тогда я заметил, что Высоцкий очень внимателен к окружающим. Он никогда не говорил первым, а больше молчал и слушал. Но если что-то и произносил, то это было умно, точно и четко. Чувствовалось, у него все время работает мысль.

Обычно мы выходили на наши учебные восхождения в четыре-пять часов утра. И я обратил внимание, что всякий раз свет в комнатке Высоцкого еще горел. «Володя, когда же вы ложитесь спать? – спросил я его однажды. – Четыре утра, а вы еще бодрствуете!». «А я вообще люблю спать по два-три часа, – ответил он. – Больше пяти часов я никогда не спал». Это один момент. А вот еще.

Как-то наше начальство предложило ему пойти с нами на вершину. Он отказался. «Во-первых, – сказал, – я не столь тренирован, чтобы быть с вами на равных. Во-вторых, я не знаю тех, с кем могу оказаться в связке. В-третьих, не умею идти за кем-то в спину. Свой путь я привык торить сам».

Тренировки наши продолжались. Высоцкий со своим другом катался на лыжах. И вот как-то в ожидании обеда слышу – свистнул кто-то. Это один из альпинистов белке, что копошилась у дерева. А белка никакого внимания. Он второй раз. То же самое. Народ начал было смеиваться, как вдруг раздался такой свист, что белка тут же взлетела на елку. Лишь снег посыпался. Я оглянулся – кто же этот Соловей-Разбойник? А это Высоцкий заложил четыре пальца в рот.

Кстати, о том, почему он так мало спал. Корреспондент «Известий» Владимир Надеин рассказывал, как редакция пригласила Высоцкого к себе. В конце встречи ему преподнесли несколько книг, но он взял лишь одну – «Нравственные письма» Луциана Сенеки. «Дня через два, – рассказывал далее Владимир, – я попал на другую встречу и с удивлением услышал, что он цитирует вторую половину этой книги. То есть книгу он прочел». И действительно Высоцкий был начитанным, образованным, и не случайно с ним была такая женщина, как Марина Влади.

И еще. Все мы знаем, что Высоцкого зажимали как певца. А ведь все концерты его, где бы они ни проходили, пользовались невероятным успехом. Например, рассказывали мне ребята, он приехал как-то в Усть-Каменогорск и сказал: «Я у вас один день. Сколько запланируете, столько и буду петь». И, говорят, выступал с утра до вечера. Так что на титано-магниевого комбинате вообще к полуночи встреча началась, и люди ждали. Кстати, именно там кто-то спросил, есть ли у него какое-нибудь любимое изречение. «Пословиц, – ответил он, – я не собираю, а если говорить об афоризмах, то мне нравится «Veni, vidi, vici!» – «Пришел, увидел, победил!».

В первый год после смерти Высоцкого я подготовил цикл лекций о нем. Он был фигурой малоудобной для властей, и, в конечном счете, один из функционеров, попав на мое выступление, доложил по инстанции, и деятельность мою прикрыли. Но после того, как журнал «Вопросы философии» написал, что Высоцкий – это хорошо, меня снова вызвали в ЦК и дали официальное распоряжение продолжать о нем лекции. Принимали их, скажу вам, потрясающе, потому что это была информация о человеке, которого все обожали.

1998 год

Кельберг: «Книга на всю жизнь»

«Кладезь ума», «источник знаний», «родник мудрости»... Как только ни называли книгу – одно из самых полезнейших изобретений человечества! Однако во все времена она, книга, считалась также рассадником крамолы и ереси, собранием истин сомнительных, даже если они не поддавались опровержению. А потому ее преследовали, уничтожали, возводили на костры и распинали на крестах власти. Словом, она была в ответе за все достижения ума человеческого и за отсутствие оно и потому считалась как бы виновницей. Не по этой ли причине великий вольнодумец Вольтер изрек однажды, что книгу можно извинить, когда она чему-нибудь учит. Ну, что ж, если еще и вспомнить надпись на старинной египетской библиотеке, гласившей, что «книга

– это госпиталь для ума», то не грех впасть в такое прощенчество. Во всяком случае, по отношению к той книге, о которой мы хотим вам сегодня рассказать. Но прежде чем сделать это, не удержусь от соблазна привести – из нее же! – несколько интересных высказываний, книг касающихся.

Вот как говорили, например, латиняне: «У книг своя судьба. Она зависит от ума читателей». А, с другой стороны, Корнель Сид: «Умение властвовать не почерпнешь из книг». Или Жубер: «Великое неудобство новых книг заключается в том, что они мешают нам читать старые».

И тут же, в окружении изречений на книжные темы – иные жемчужины. О клятвах и клятвопреступлении: «Яйца и клятвы быстро разбиваются» (латиняне), «Пишите клятвы на золе» (Филонид), «У Зевса нет точного дня для наказания клятвопреступлений» (Эзоп). О козлах отпущения: «Если разваливается минарет – вешают цирюльника». Компетенция: «Сапожник, суди не выше сапога» (Плиний Старший). Это выражение появилось вот по какому случаю. Художник Апель выставил свою картину. Увидев ее, сапожник увидел неточность в изображении сандалия. Художник исправил ошибку. Тогда сапожник воодушевился и стал критиковать всю остальную картину. На что художник возразил ему – ты, мол, судить-то суди, да не выше сапога!

Так что же это за высказывания, что за афоризмы? Откуда они? Собраны эти удивительные перлы в книге, которая подготовлена к изданию и ждет своего часа. А точнее – спонсора. Называется она «Изречения на все случаи жизни». И подготовил ее Анатолий Витальевич КЕЛЬБЕРГ, замечательный музыковед, заслуженный работник культуры республики, лауреат престижной казахстанской премии «Тарлан». С ним наша беседа.

– Анатолий Витальевич, нет, наверное, в Казахстане человека, который не знал бы вашего пристрастия к музыке – здесь вы и музыковед-исследователь, и страстный пропагандист, и лектор, и педагог. Определенный круг людей разделяет и ваше увлечение альпинизмом. Кроме того, вы, я знаю, книжник, а также у вас уникальная коллекция пластинок. Но вот о том, что вы собиратель еще и общечеловеческой мудрости, составитель книги «Изречения на все случаи жизни», знают немногие. Как это у вас все получилось?

– Вы знаете, все в мире, в общем-то, обусловлено, каждая случайность, наверное, выходит из каких-то закономерностей. Вот вы упомянули альпинизм. А ведь благодаря именно ему мне удалось в 1960-м году попасть на Олимпийские игры в Риме. Я тогда еще слабо знал французский язык, но, тем не менее, он помог мне все-таки общаться с итальянцами. Красота Италии, ее многочисленные произведения искусства произвели на меня такое сильное впечатление, что я стал думать, как же мне в моей пропагандистской, просветительской деятельности передать свои ощущения людям, как зарядить их этой красотой? В то же время, памятуя о том, что мне во время пребывания в этой стране недоставало знания французского, я по возвращении домой решил серьезно им заняться – стал брать уроки у профессора и читать разную литературу на французском языке. Тогда-то мне и попала книга, которая и сейчас редкость, а тогда вообще невозможно было найти: «Кама сутра» – «Энциклопедия любви». Этой проблемой у нас в стране никто открыто не занимался.

– **У нас просто не было любви!**

– У нас не было любви, совершенно верно. Тогда я решил прочитать эту книгу, перевести ее и заинтересовался предисловием. В предисловии ее было сказано, что домашняя библиотека могла бы считаться очень значительной, если бы в ней было пятьдесят книг, включая Сенеку, Платона, Монтеня, Рабле, Гете, Толстого, Достоевского, Сервантеса, Пруста и т. д. Но если вы хотите, говорилось там, скомплектовать свою библиотеку из трех книг, которые потрясли мир, расшатали солидные стены, изменили наши нравы и манеру мыслить, действовать, любить и страдать, то нужно выбрать Библию, «Капитал» Маркса и «Кама сутру». Я же подумал – наверное, еще одна книга после Библии имеет право лежать у изголовья человека так, как я встречал в некоторых гостиницах на Западе. Какая именно? В Москве, в магазине «Иностранная книга» я увидел «Энциклопедию пословиц, крылатых выражений, максим» издательства «La Russe» и подумал, что вот она-то и должна присутствовать в этом собрании. Единственное, что следовало теперь сделать – так это перевести ее на русский язык, тем более, что половина из того, что я там сразу прочитал, у нас никогда не печаталась. Вопросы, связанные с любовью, мужчинами, женщинами, политикой, трактовались там так остроумно, широко и разносторонне, что трудно было поверить мне, советскому читателю, в существование такого живого и раскрепощенного стиля. В общем, я эту книгу начал переводить. И параллельно к разделам, которые были у составителя ее Мориса Малу, я стал добавлять казахские пословицы (их было издано не так уж много тогда), а также

пословицы народов Востока и Азиатского региона – таджикские, узбекские, японские, китайские, корейские, индийские. Так я работал двадцать пять лет.

– **То есть, это книга высказываний, ярких мыслей и необычных изречений?**

– Книга-энциклопедия на все случаи жизни, и принцип расположения материала в ней – от А до Я.

– **Но подобных книг не так уж мало. Чем отличается это ваше собрание от уже существующих?**

– «Крылатые слова» включают 1100 выражений. В моей книге 20 тысяч афоризмов и высказываний на 33-х печатных листах. Разделы книги составлены в алфавитном порядке: «Автор», «Австрия», «Ад», «Адвокат», «Адюльтер», «Азия», «Альтруизм», «Америка», «Анархия», «Англия», «Аплодисменты», «Аппетит» – вплоть до «Африки». И так по всем буквам до Я. Некоторые понятия подробно расшифрованы – только о женщине тридцать страниц. «Женщина порядочная, честная», «Женщина и мужчина», «Женщина и дружба», «Женщина и любовь», «Женщина и деньги», «Женщина и счастье», «Женщина и целомудрие», «Женщина и гнев», «Женщины и их советы», «Женщина и кокетство», «Женщина и ложь», «Женщина образованная», «Женщина и слезы», «Женщина и дом», «Женщина и замужество» и «Вторичное замужество» и – вплоть до раздела «Женщина и старость».

– **Действительно, целая энциклопедия!**

– Ну, конечно. Причем, тут же «Женщина и ложь», «Женщина злая», «Женщина и слово», «Женщина и украшения», «Женщина-недотрога» и «Притворно-доброжелательная» – то есть все. Но дело даже не в масштабах. Книга должна помочь выработать мудрый философский взгляд на жизнь. Найти верную точку зрения. «Я был в ярости, не имея ботинок, но, встретив человека, не имеющего ног, я удовлетворился своей судьбой». Так говорят китайцы. Конечно, это только мудрость, но она возникла из самой жизни. Или возьмите у Гете, который говорил, что: «Если я дурак, меня терпят, но если я прав, меня поносят». И при всем многообразии вот этих афоризмов, пословиц, здесь много такого, чего в наших книгах раньше не было. Это меня и привлекло. Ну, например, о любви: «С пустым желудком невозможно любить ближнего». Так об этом, оказывается, сказал Томас Вильсон в своей речи в Нью-Йорке.

– **Но у нас тоже известно изречение, и, по-моему, даже обычно девушке говорят, когда она замуж выходит: «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Так что здесь человечество позаботилось о себе.**

– Безусловно, безусловно. А то вот возьмите: «С возрастом угасают все страсти, только себялюбие никогда не умирает», «Новая любовь так заменяет старую, как один гвоздь выбивает другой». Или как сказал принц Линдский: «В любви очаровательны только первые моменты, вот почему люди часто и с удовольствием начинают новые интрижки».

– **О, оказывается, там и юмор есть!**

– Юмора много. Вот как высказался однажды Наполеон: «Дурак имеет огромное преимущество перед умными – он всегда доволен собой». «Женщина говорит с одним мужчиной, смотрит на другого, а думает о третьем» – это санскритское. «Почти все люди умирают не от болезней, а от лекарств», – так сказал Мариаш. Ну, и еще по ходу: «Роль порядочной женщины чаще бывает разыграна, чем исполнена», так считают итальянцы.

Конечно, если вы меня спросите насчет религиозных книг, то я просто упивался их чтением, Библией и Кораном. Талмуд, к сожалению, попал мне в ссылки. И я настолько был потрясен глубиной этих книг, что мне кажется, у каждого они должны быть настольными. Вот возьмите Коран: «Все, что вы делаете хорошее и плохое, все это вы сами делаете себе», «Кто приходит с хорошим, тому лучше», «Кровные узы не помогут вам добиться, чтобы другой взвалил на себя ваш груз», «Аллах любит настойчивых». И вот Библия: «Зависть и гнев укорачивают наши дни» – Экклезиаст-проповедник. В разделе «Адюльтер, супружеская измена» есть такое выражение из Библии: «Тайные источники – самые сладкие», «Хлеб тайный – самый вкусный». И одна мысль из Талмуда: «Тот, кто вдохновляет на добрые дела, более велик, чем тот, кто их совершает».

– **Анатолий Витальевич, как вы думаете, – помудрело ли человечество со времени своего золотого детства? Или все-таки мы нуждаемся в поучениях предков?**

– Вот в вашем вопросе два важнейших вопроса. На первый у меня просто сердце сжалось от того, что если бы мы были мудрее предков, не было бы сегодня вокруг нас столько глупостей, трагедий, национальных проблем, которые можно разрешить мирным путем. Значит, к древним надо прислушиваться. Мы так и не оперлись на плечи и опыт мудрых. А вообще-то один из вариантов ответа на ваш вопрос в словах древнего римлянина Теренция, который сказал более

двух тысяч лет назад: «Сегодня ничего нельзя сказать такого, что не было бы сказано раньше». Вы знаете, мудрость далеких веков удивительно проецируется на наши сегодняшние ощущения, в этом смысле за несколько тысячелетий человек практически не изменился.

– **То есть, природа остается...**

– Остается та же самая. Ведь поступками человека движут те же самые мотивы, что и четыре-пять тысяч лет тому назад. Ну, разве не актуальна сегодня, скажем, мысль древнекитайского философа Лао-Цзы, который, размышляя о правительстве, говорит: «Управляя большим государством, нужно подражать тому, кто жарит маленькую рыбешку». То есть – и вот это особенность моей книги – там к таким выражениям дается комментарий: «Тот, кто жарит маленькую рыбку, не вынимает у нее внутренности и не чистит чешую, он переворачивает ее осторожно из-за боязни раздавить». А смысл таков: тот, кто управляет большим государством, не должен вводить множества законов и правил, чтобы не беспокоить граждан и не побуждать их к беспорядку.

– **Кстати, то, чего мы сегодня не соблюдаем.**

– Да. И в связи с этим – современные межнациональные проблемы. Как мудро рассуждали на эту тему древние греки: «Никогда гнев не был хорошим советчиком» (Менандр), «Не разжигай огонь ножом» (Пифагор). И еще – в моменты сегодняшних межнациональных конфликтов людям разных религий стоит вспомнить обращенные к мусульманам слова пророка Мухаммеда: «Никто не испил лучшего напитка, чем гнев, проглоченный из любви к Богу». Вот, а теперь сделайте вывод – помудрели мы или нет? А ведь все беды от невежества!

– **Так что ж, мы забывчивы, легкомысленны? Как психологически все это объяснить?**

– Ой, вы знаете, вся трагедия в том, что никакая нация не может развивать культуру в изоляции от других.

– **Да, опыт подсказывает, что это так, и, наверное, двигаться к будущему, можно только собрав знаки тысячелетий, усвоив мудрость, скажем, классической философии Индии, Египта, Китая, Персии, и так далее. То есть, усвоив все лучшее из прошлого.**

– И в книге есть эти рецепты. Она дает возможность общаться с лучшими умами. Вот вы обратили внимание, что мы постепенно остаемся без интеллигенции? В этом виновата не только экономика, но и Сталин, истребивший эту самую интеллигенцию. В результате его садистской политики появился новый тип узко мыслящего человека: чиновника, раба или крайне узкого специалиста без широкого кругозора, без попыток возможности его расширить.

– **Зашоренного.**

– Зашоренного! Начиная работу над этой книгой, я был уверен, что ее никто не рискнет издавать – ведь она пробуждает желание открыть двери и на Запад, и на Восток.

– **Теперь речь о риске не идет, зато возникли экономические проблемы.**

– Да, мне говорят: все прекрасно, но, понимаете, очень дорого стоит бумага. Нужен спонсор. Нужен спонсор, чтобы эта книга вышла, и все будут благодарны! Ну, я понимаю, что в государственном бюджете очень долго не будет оставаться места культуре, поэтому единственный выход – спонсорство. Западные бизнесмены давно поняли это, и у них искусство и коммерческие структуры как-то идут вместе. У нас это меценатство медленно продвигается.

– **Думается, что такая книга должна лежать если не у изголовья, то на столе у каждого президента. И вот таковое, скажем, произошло. Какие афоризмы вы выделили бы для чтения в первую очередь?**

– Ну, может быть, для начала вот эти: «Самый могущественный тот, кто имеет власть над самим собой», «Самое лучшее на свете – это хорошо делать то, что делаешь», «Тот, кто не умеет довольствоваться малым, никогда ничем не будет доволен». Мы сейчас расстраиваемся: вот здесь недовесили, здесь обманули, а Гете просто говорил: «Не вас обманули, вы обманулись». И вообще, «если вы хотите, чтобы жизнь вам улыбалась, принесите ей сначала хорошее настроение». Это слова голландского философа Спинозы. «Каждый человек – сын своих поступков» – Сервантес. Ну, и так далее.

2003 год